

сквѣ много воровъ и разбойниковъ. Удивительно, какъ могутъ честные люди въ Москвѣ жить!.. Что можетъ быть неправеднѣе, какъ брать отъ суда въ казну всякіе пересуды и десятины. Посламъ также не дается достаточно на ихъ обиходъ. Отсюда происходитъ крайнее неуваженіе и холодность къ дѣлу, и многіе придавленные нуждою забываютъ пользу своего народа и за подарки входятъ съ иноземцами во всякія неприличныя сдѣлки. Хвастается Олеарій, что за деньги можно добыть изъ приказовъ какія угодно тайныя дѣла... Всѣ европейцы называютъ это преславное государство тиранскимъ; говорятъ, что русскіе ничего не дѣлаютъ иначе, какъ только принуждаемы бываютъ палками и батогами. Правда, русскіе люди дѣлаютъ все не изъ чувства чести, а изъ страха казни, но этому причиною жестокое правленіе, и если бы нѣмецкій или какой-либо другой народъ былъ подъ такимъ правленіемъ, то усвоилъ бы еще хуже нравы. Русскіе всѣми народами считаются лживыми, невѣрными, жестокосердыми, склонными въ кражѣ и убійству, невѣжливыми въ бесѣдѣ, нечистоплотными въ жизни. А отчего это? Оттого, что вездѣ кабаки, монополіи, запрещенія, откупы, обыски, тайные соглядатаи; вездѣ люди связаны, ничего не могутъ свободно дѣлать, не могутъ свободно употреблять труда рукъ и пота лица своего. Все дѣлается втайнѣ, со страхомъ, съ трепетомъ, съ обманомъ, вездѣ приходится укрываться отъ множества „оправниковъ“ (чиновниковъ), обдирателей, доносчиковъ или, лучше сказать, палачей. Привыкнувъ всякое дѣло дѣлать скрытно, потакать ворами, всегда находиться подъ страхомъ и обманомъ, русскіе забываютъ всякую честь, дѣлаются трусами на войнѣ и отличаются всяческою невѣжливостью, нескромностью и неопрятностью... Если нужна имъ чья-нибудь милость, тутъ они сами себя унижаютъ, молятся, бьютъ челомъ до отвращенія... Нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ такого мерзкаго, отвратительнаго, страшнаго пьянства, какъ на Руси, а всему причиною кабаки. Нигдѣ нельзя выпить пива или вина, какъ только въ царскомъ кабацѣ. А тамъ посуда такая, что годится въ свинной хлѣвъ. Питье премерзкое, и продается по бѣсовской цѣнѣ. Самые кабаки не вездѣ подъ рукою у людей; только въ большомъ городѣ по нѣскольку кабаковъ; иные мелкіе люди чуть не всю жизнь лишены вина, а какъ придется имъ выпить, то они бросаются безъ стыда, какъ бѣшеные, думаютъ, что исполняютъ Божью и царскую заповѣдь...“

Крижаничъ воснулъ дозволенія, даваемого нѣкоторымъ лицамъ готовить напитки по особымъ торжественнымъ

случаямъ, и видитъ въ этомъ средство пріученія народа къ пьянству, порицаетъ даже царскіе пиры, на которыхъ нельзя не пить подъ страхомъ прегрѣшить противъ Бога и царя. Авторъ оставилъ намъ нѣкоторыя черты тогдашняго пира: „хозяинъ,—говоритъ онъ,—только о томъ и хлопочетъ, чтобы поскорѣ напоить гостей и обратить ихъ въ свиней. Посадить гостей около пустого стола, сидятъ три-четыре часа безъ хлѣба и безъ всякой пищи, а между тѣмъ чарка идетъ кругомъ и многіе, выпивши натошахъ, опьянѣютъ и уже не думаютъ о пищѣ. Нигдѣ, ни у нѣмцевъ, ни у другихъ словянъ нѣтъ такого гадкаго пьянства, нигдѣ не видно, чтобы въ грязи, по улицамъ валялись мужчины и женщины, и умирали отъ пьянства. Въ Малороссіи люди также порядочно напиваются, но здѣшнее пьянство несравненно сильнѣе и отвратительнѣе тамошняго, а что всего глупѣе—это то, что у насъ сами правители—причина, заводчики и повелители этому злу“. Но въ чемъ же средство къ улучшенію? Какъ исправить такое общество, гдѣ правители явно дружатъ съ ворами? Какъ исправить алчныхъ должностныхъ лицъ, привыкшихъ къ грабежамъ и коварной изобрѣтательности? „Пусть государь будетъ архангелъ, говоритъ Крижаничъ, все-таки онъ не въ силахъ запретить грабежи, обиды и людскія обидательства“. Одно есть средство — народная свобода, но авторъ не допускаетъ такой свободы, какъ у ляховъ, гдѣ никто никого не слушаетъ и гдѣ столько же тирановъ, сколько властителей. Такая свобода прямо ведетъ къ тираніи. „Пусть царь дастъ людямъ всѣхъ сословій пристойную, умѣренную, сообразную со всякою правдою свободу, чтобы на царскихъ чиновниковъ всегда была надѣта узда, чтобы они не могли исполнять своихъ худыхъ намѣреній и раздражать людей до отчаянія. Свобода есть единственный щитъ, которымъ подданные могутъ прикрывать себя противъ злобы чиновниковъ, единственный способъ, посредствомъ котораго можетъ въ государствѣ держаться правда. Никакія запрещенія, никакія казни не въ силахъ удержать чиновниковъ отъ худыхъ дѣлъ, а думныхъ людей отъ алчныхъ, разорительныхъ для народа совѣтовъ, если не будетъ свободы“.

Затѣмъ Крижаничъ представляетъ царя говорящимъ къ своему народу и обѣщающимъ ему улучшение государственнаго строя и исправленіе законодательства. Царь остается самодержавенъ: онъ даетъ народу свободу, права, льготы, но даетъ добровольно, непринужденно и можетъ отнять данное, если съ противной стороны будутъ даны къ этому важные

поводы. Между тѣмъ тотъ же царь допускаетъ такія правила, которыя владутъ контроль на его власть. Онъ и его преемники обязаны при вступленіи на престолъ давать присягу въ сохраненіи народной свободы, и только послѣ этой присяги народъ присягаетъ царю. Онъ теряетъ право на престолъ, если измѣнить вѣрѣ, если отдать дочь за иноземца, если будетъ отчуждать части государства, если введетъ въ государство иноземное войско, исключая случаевъ войны съ вѣшними непріятелями. Царь не можетъ жениться иначе, какъ на природной русской или на словянкѣ. Женщины не могутъ быть возводимы на престолъ. Послѣ смерти каждаго царя народный сеймъ дѣлаетъ пересмотръ и оцѣнку его правленія и требуетъ отъ преемника исправленія тѣхъ уставовъ, которые бы оказались противными народному благу. Жителямъ, исключая духовныхъ, оставлено прежнее раздѣленіе на служилыхъ и на платящихъ дань. Духовные будутъ изъяты отъ всякихъ поборовъ и повинностей и должны судиться собственнымъ судомъ. Высшій служилый классъ раздѣляется на три вида: князья, бояре и „племяне“ (слово, которымъ Крижаничъ хочетъ замѣнить выраженіе „дѣти боярскія“). Считается полезнымъ утвердить въ государствѣ высшій аристократическій классъ, въ предотвращеніе того, чтобы цари не подпали подъ власть стрѣльцовъ, подобно тому, какъ римскіе императоры подъ власть преторіанцевъ или султаны подъ власть янычаръ. Но привилегіи, даваемые высшему классу, никакъ не должны доходить до того, чтобы сильные люди держали у себя войско, творили судъ или расправу, собирали самовольно сеймы или закупали себѣ земли. Видно стараніе удержать земли въ общественномъ владѣніи, а потому одни бояре могутъ имѣть помѣстья. Любямъ высшаго класса присваиваются разные почетные знаки, напр., гербы, высокія шапки, перья и т. п. Весь остальной народъ долженъ былъ платить поборы, но не иначе какъ въ случаѣ нужды государственной. Безъ нужды царь обязывался не брать никакихъ поборовъ. Не должно быть никакихъ кабаковъ и никакихъ монополій и пошлинъ. Города присылаютъ своихъ пословъ на сеймъ и, по ихъ желанію, устанавливается у нихъ порядокъ и власти, какъ высшія, такъ и меньшія. У городовъ свои судьи, но высшіе судьи изъ боярскаго рода. Иноземцамъ запрещается торговать внутри государства. Ненависть къ иноземцамъ простирается до того, что закономъ не дозволяется никому путешествовать за границей и принимать иностранцевъ на службу, кромѣ словянъ, которымъ во всемъ даются

равныя права съ русскими. Относительно просвѣщенія предлагается странное правило: „только дѣти высшихъ классовъ и то не всѣ, а самыя богатые, могутъ учиться греческому и латинскому языкамъ, исторіи, философіи и политикѣ, а люди низшіе и убогіе должны заниматься полезными науками, такъ наз. „трудовыми“, математикою, астрономіею, медициною и пр. „Философія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, если станетъ общимъ достояніемъ народа, то повлечетъ за собою многіе вопросы и волненія, будетъ отвращать людей отъ труда къ праздности, что мы и видимъ у нѣмцевъ. Не должно всѣ кушанья подправлять медомъ, потому что медъ производитъ тошноту; точно также и философію не слѣдуетъ передавать всему народу, а только сословію благородному и нѣкоторымъ изъ черни, для того призваннымъ, насколько это нужно для службы государю, иначе достойнѣйшій предметъ пошлѣетъ, и жемчугъ мечется передъ свиньями“.

Эти основы улучшеній, развитія пространно у автора, показываютъ, что Крижаничъ былъ способнѣе подвергать критикѣ тотъ общественный строй, какой онъ нашелъ на Руси, чѣмъ изобрѣтать мѣры къ водворенію новаго порядка вещей. Возвышеніе аристократическаго класса, запрещеніе ѣздить за границу, раздѣленіе наукъ, изъ которыхъ однѣ предоставлялись одному, а другія другому классу, наконецъ, крайняя нетерпимость къ иноземцамъ, особенно нѣмцамъ, служили бы препятствіемъ въ тому преуспѣянію, котораго хотѣлъ достигъ авторъ для русскаго народа. Ненависть къ иноземцамъ у Крижанича дѣлается понятною, какъ у словянина, котораго задушевною цѣлью было поднять свое униженное племя и обратить громадныя силы Руси на освобожденіе словянъ отъ чужеземцевъ, на восстановленіе ихъ и на устроеніе племеннаго союза между ними. Это ясно видно въ отдѣлѣ „Объ ширенію господства“. „Ты единый царь,—говоритъ онъ, обращаясь къ Алексѣю Михайловичу,—ты намъ данъ отъ Бога, чтобы пособить и задунайцамъ, и ляхамъ, и чехамъ, дабы они познали свое угнетеніе и униженіе, помыслили о своемъ просвѣтлѣніи и сбросили съ шеи нѣмецкое ярмо“. По мнѣнію Крижанича, нѣмцы и Россіи готовятъ это ярмо. „Ненасытима алчность нѣмецкая; всего имъ мало, хотѣлось бы имъ весь народъ и всю державу нашу пожрать однимъ глоткомъ. Не удалось имъ учинить въ Россіи того, что у нихъ было въ мысли, т.-е. захватить господство надъ народомъ, такъ какъ они уже захватили царственное величіе въ уграхъ, чехахъ, ляхахъ, Литвѣ и въ другихъ странахъ, гнѣваются, ссереже-

щуть, рвутся отъ злости, какъ бы Русское государство подчинить своей власти. Нѣсколько разъ они уже подходили близко къ исполненію своего намѣренія, да только Богъ уничтожалъ ихъ высокоумныя думы и освободилъ отъ прелютаго ярма нѣмецкаго. А все таки-нѣмцы не отступаются отъ своей думы... Болгары, сербы, хорваты давно уже потеряли не только свое государство, но всю свою силу, языкъ, разумъ. Не разумѣютъ они, что такое честь и достоинство, не могутъ сами себѣ помочь, нужна имъ внѣшняя сила, чтобъ стать на ноги и занять мѣсто въ числѣ народовъ. Ты, царь, если не можешь въ настоящее тяжелое время пособить имъ поправиться совершенно и привести къ прежнему бытію ихъ государства, то по крайней мѣрѣ можешь исправить ихъ словянской языкъ и открыть имъ умственные очи природныя своими книгами, чтобы они познали свое достоинство и стали бы думать о своемъ возстановленіи. Чехи, а за ними недавно и ляхи, подверглись такой же печальной участи, какъ и задунайцы; ляхи хотя и хвастаютъ тѣнью независимаго королевства и своею безпутною свободою, но они, сами по себѣ, не могутъ выбиться изъ своего срама; нужна помощь извнѣ, чтобы поставить ихъ на ноги и возвратить къ прежнему достоинству. Эту помощь, это народное просвѣтлѣніе смысла, только ты, царь, съ Божьею помощію, можешь даровать ляхамъ...

Крижаничу не нравится расширение русскихъ предѣловъ на сѣверъ и на востокъ. Онъ не раздѣляетъ мнѣнія тѣхъ, которые совѣтуютъ идти все далѣе и далѣе на востокъ Сибири и закладывать новые остроги. По его мнѣнію, надобно ограничиться частью Сибири, а съ дальнѣйшими народами заключить миръ. Какой-то нѣмецъ въ Сибири пророчилъ, что царь овладѣетъ Китаемъ. Крижаничъ по этому поводу говорить: „это врагъ хочетъ отвлечь насъ отъ возможныхъ дѣлъ и обратить на невозможное, чтобы русскій народъ пошелъ на глупое завоеваніе Китая, а Русскимъ государствомъ завладѣли бы нѣмцы и татары“. Не слѣдуетъ, по его мнѣнію, также думать о берегахъ Варяжскаго моря. Лучше обратиться къ Черному морю: „берега его и пристани будутъ болѣе выгодны и потребны, чѣмъ берега Варяжскаго моря. Крымскіе татары много вѣковъ уже обижаютъ окрестные народы. Пора уничтожить ихъ наглость и разбой. Русскому государству надлежитъ проживать въ мирѣ со всѣми сѣверными, восточными и западными народами, а воевать съ одними татарами. Дауры, калмыки и другіе восточные народы насъ не знаютъ, если мы